

Э.П. Васильева*

Самарский государственный университет

**КАТЕГОРИЯ «ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ/НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ»
В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ЕЕ МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ
СОСТАВЛЯЮЩИЕ**

E.P. Vassilyeva

Samara State University

**THE CONJOINT CATEGORY OF THE DEFINITE/
INDEFINITE AND ITS MORPHOLOGICAL
CONSTITUENTS IN THE ENGLISH LANGUAGE**

The morphological means used in English to relate the meanings of the definite/ indefinite make a correlative system uniting articles, pronouns of various classes, adverbs and numerals.

Категория «определенность/неопределенность» носит универсальный гносеологический характер, так как отражает направление движения от незнания к знанию в процессе научного поиска. Парность данной категории вытекает из взаимообусловленности ее составляющих, которые формируются на понятийном уровне и являются объектами изучения философии, логики, когнитивистики, теории информации, а также лингвистики. Каждая из этих дисциплин, исходя из объекта изучения и основополагающих целей, дает свое толкование понятиям «определенность» и «неопределенность».

В философском энциклопедическом словаре «определенность» толкуется через понятие «определение» и характеризу-

---

* © Васильева Э.П., 2010

ется следующим образом: «Определенность сущего состоит в том, что в нем может быть высказано; если сущее дано в его наглядности, то определенность сущего означает то же самое, что устойчивость, ясность понимания его и ограничения данности» [9, с. 319]

В логическом словаре-справочнике «определенность» и «неопределенность» трактуются как характеристики процесса мышления. «Определенность» здесь понимается как такое качество логического мышления, «которое свидетельствует о том, что в рассуждении все мысли при повторении употребляются в одном и том же определенном смысле, в них вкладывается одно и то же точное, четкое содержание, соответствующее отображаемому в них предмету, явлению... «Определенность» – это не только четкое отображение присущих предмету, явлению признаков, но и отрицание противоположных признаков для данного предмета, явления». Понятие же «неопределенность» играет существенную роль там, где приходится иметь дело не только с детерминированным, но и случайным, неявным, неточным [8, с. 412].

Теория информации связывает категорию «определенность/неопределенность» с процессом выбора элемента или подмножества из какого-либо множества. Как отмечает А.Д. Урсул, степень «неопределенности множества, состоящего из одного элемента, равна нулю, так как выбирать в данной ситуации не из чего. Выбирать можно из такого множества, которое состоит из нескольких элементов, по крайней мере из двух. Легко заметить, что с увеличением числа элементов множества вероятность их выбора падает и растет степень “неопределенности”. Кроме того, там, где господствует случай, непременно имеется “неопределенность”, так как явления в подобной ситуации наступают не с достоверностью, а с той или иной степенью вероятности» [7, с. 53–72]. Таким образом, здесь «неопределенность» рассматривается как «определенность» в ее становлении, снятие же «неопределенности» выступает как процесс получения информации. Проведенный выше обзор вскрывает разные аспекты изучения категории

«определенности/неопределенности», которые предстают в фокусе внимания научных дисциплин как понятия, свойства логического мышления и процесс информационного поиска.

Язык, призванный отразить многогранную сущность описываемой категории, также дает им свои дефиниции. В толковых словарях русского языка «определенный» понимается как «точно и твердо установленный, обозначенный; ясный, отчетливый, явственный, четкий, верный; прочно сложившийся, несомненный; явный, очевидный, безусловный» [3, 4]. «Неопределенность» же понимается как «точно не установленный, в точности не известный; неисследованный, несосчитанный, неизмеренный, не описанный по всем признакам своим; не вполне отчетливый; неточный, неясный; темный, гадательный и сомнительный» [3, 4]. Таким образом, в языке сущность неопределенности толкуется через отрицание признака определенности.

В английском языке прилагательное *definite* в словаре *Roget's Thesaurus* толкуется через синонимы *determinate, quantified, specified, distinct, express, explicit, clear-cut, certain, exact, precise*; прилагательное же *indefinite* дается в одном синонимическом ряду со словами *vague, loose, inexact, unspecified* [10].

Из приведенных средств русского и английского языков видно, что «неопределенность» выражается путем отрицания значения «определенности», однако это не означает ее производного, зависимого характера от «определенности». Как справедливо отмечает А.Д. Урсул, «в объективной действительности в общем случае “определенность” и “неопределенность” взаимобусловлены, ни одна из них не “возвышается” над другой» [7, с. 53–72]. Самостоятельный, самодостаточный характер понятия «неопределенности», семантической и функциональной, отмечается также исследователями литературных стилей, по мнению которых семантически неясное и зыбкое – это содержание, не нашедшее отчетливого вербализованного воплощения, но, тем не менее, насыщенное некими смыслами [5, с. 21].

В целом философское понимание категории «определенность/неопределенность» первично по отношению к ее лингвистическому содержанию. Важным моментом является также связь «определенности/неопределенности» с теорией информации, принципы которой находят отражение как в построении отдельного высказывания, так и связного текста. Показателен в этом плане следующий фрагмент художественного текста, в котором прослеживается эволюция роли нелегального польского эмигранта в немецкой террористической организации. Движение от безвестности к лидерству эксплицитно отражается в отборе языковых средств:

«Тем вечером он был принят: вшестером – пять немцев и один поляк – они отправились громить ресторан турецких эмигрантов... Та ночь, впрочем, ознаменовалась еще одним событием, несущественным на первый взгляд, но судьбоносным, если вдуматься. Пренебрежительное «поляк», брошенное бритоголовым, оскорбило его, но прикипело намертво, заменив – на всю оставшуюся жизнь – имя собственное. Вышло так, что с той самой поры в определенных – замкнутых и очень специфических – кругах появился Поляк. Поначалу «какой-то поляк», позже «тот поляк» и «тот самый поляк». В конце концов он стал Поляком, иногда «знаменитым Поляком» или «печально знаменитым Поляком» (1, с. 26–28)*.

Лингвистический анализ «определенности/неопределенности» позволяет ответить на вопрос, какие конкретно языковые формы они могут принимать в процессе восприятия текста адресатом. Вопрос этот представляется очень важным, ибо ответ на него дает возможность проследить путь мысли к ее материальному воплощению.

При анализе языковых средств выражения категории «определенности/неопределенности» круг данных средств нередко ограничивается описанием функционирования определенного и неопределенного артиклей. Это вполне объяснимо, ибо именно

---

* Здесь и далее в сборнике указание на источник фактического материала приводится в круглых скобках.

артикли наделены значениями «определенности/неопределенности» в наиболее «чистом», абстрактном виде, а потому выступают самыми универсальными выразителями значений, составляющих исследуемую категорию.

Артикли как служебные слова, детерминанты существительного, характеризуются крайне отвлеченным, абстрактным значением, которое не может рассматриваться отдельно от значения существительного, с которым употреблен артикль. При этом неопределенный артикль показывает, что «оформленное им существительное употребляется в общеназванном смысле, то есть называет объект как таковой, не выделяя его как нечто конкретно данное или однозначно выделенное. Этот артикль подчеркивает, что называемый существительным объект представлен членимой единицей на фоне класса. Определенный артикль указывает на употребление имени существительного в конкретно-назывном смысле, что предполагает однозначную его соотнесенность с называемым объектом. Такое имя существительное может обозначать наличный, однозначно выделенный или известный собеседникам в силу тех или иных обстоятельств объект (группу объектов)» [1, с. 10–15]. Таким образом, неопределенный артикль можно определить как классифицирующий, приписывающий предмет, лицо к классу однородных предметов и лиц, не выделяя его из целого ряда. Определенный же артикль выступает как индивидуализирующий, выделяющий предмет или лицо из ряда однородных предметов или лиц.

Однако, как справедливо отмечает В.В. Гуревич, «следует учитывать, что каждый из артиклей может иметь не только указанное в данной оппозиции значение, но и обозначить весь класс объектов (обобщенное, или “родовое” значение): *Dogs (all dogs) are domestic animals; A/ The dog = any dog is a domestic animal*» [2, с. 13]. Наличие зоны пересечения определенного и неопределенного артиклей в обобщающем значении служит еще одним доказательством взаимосвязи составляющих парной категории «определенность/неопределенность», которую можно изобразить следующим образом (см. рис.).

Взаимосвязь составляющих категории
«определенность/неопределенность»

Значение обобщенности сопоставимо, с одной стороны, с определенностью, поскольку здесь речь идет обо всех без исключения представителях класса; с другой стороны, обобщенность несет в себе компонент неопределенности, поскольку здесь не выделяется, не индивидуализируется ни один представитель класса. Так, предложение «Пришли все студенты» не несет информации о конкретном, точном количестве студентов, тогда как в предложении «Пришли все 15 студентов» количество конкретизируется посредством числительного и становится определенным.

В нормативной грамматике изучение закономерностей употребления артиклей традиционно ограничивается уровнем отдельных предложений, однако их реальный вклад в реализацию коммуникативной функции языка обнаруживается лишь на дискурсивном уровне. Как справедливо отмечает Е.И. Шендельс, «грамматика текста обладает большей силой, чем грамматика предложения, т. к. она позволяет обнаружить новые свойства и функции уже известных традиционных категорий» [6, с. 16–21].

В ходе реализации категории «определенность/неопределенность», выступающей средством распределения информации на дискурсивном уровне, неопределенный артикль служит сигналом последующей, новой информации, то есть **самарский только дво** указывает неизвестный ранее объект описания или обсуждения; указы-

вает на неинформированность коммуникантов о предмете речи, но и сигнализирует о появлении необходимой информации в последующей части дискурса, вызывает чувство ожидания, требует развития повествования. Неопределенный артикль имеет катафорическую, прогрессивную направленность, которая особенно отчетливо прослеживается в начале рассказа, зачине английских сказок: *Once upon a time there lived an old man.*

Так вводятся новые персонажи, новые обстоятельства действия, раскрываемые в дальнейшем. Существительное с неопределенным артиклем обычно возглавляет референциональную цепочку, которая состоит из первичного наименования лица или предмета и его вторичных наименований в последующем тексте.

Определенный артикль, помимо указания на информированность коммуникантов относительно предмета обсуждения, служит также сигналом предынформации с анафорической направленностью, отсылая к предшествующему фрагменту текста или знаниям о мире, жизненному опыту реципиента. В референциальной цепочке определенный артикль подхватывает первичное наименование и ведет его дальше по тексту, дополняя, уточняя или просто повторяя, но уже представляя как известное, как тему в процедуре актуального членения:

A modern new pickup truck hushed down the road toward us, raising a thin brown fog of dust, and it stopped by the field. The door opened, an old man got out, and a girl of ten or so.

«*Selling rides, are you?*» – said the man (2, с. 33).

Анализ реализации категории «определенность/неопределенность» на дискурсивном уровне свидетельствует о том, что артикли являются в этом процессе ведущими, но далеко не единственными языковыми средствами. Для этих же целей могут использоваться слова других частей речи. На морфологическом уровне это прежде всего местоимения и наречия, а также числительные.

Так, для выражения значения определенности в английском языке активно используются указательные местоимения *the same, this/these, that/those*, что вполне закономерно, принимая во внимание

тот факт, что и сам определенный артикль восходит генетически к указательному местоимению анафорического дейксиса (*that*).

Правомерной представляется и точка зрения В.В. Гуревича, который объединяет с указательными местоимениями связанные с ними общностью происхождения наречия *then, there, thus* [2, с. 21], которые конкретизируют пространственно-временные характеристики события, что для текста не менее важно, чем индивидуализация задействованных в нем лиц или предметов. Конкретизацию субъектов и объектов эффективно осуществляют личные и производные от них притяжательные и возвратные местоимения. Благодаря наличию у них таких грамматических характеристик, как лицо, число и частично род (3 лицо), они способны однозначно идентифицировать в тексте субъекта речи, адресата и лицо/предмет обсуждения. При этом местоимения третьего лица устанавливают в тексте анафорические связи, подобно указательным местоимениям, выступая одновременно как средства текстовой когезии. Эта общность свойств не случайна: и в русском, и в английском языке личные местоимения третьего лица восходят к основам указательных местоимений. Комплекс перечисленных выше средств – определенный артикль, указательные местоимения и наречия, а также личные, притяжательные и возвратные местоимения – обеспечивают четкую идентификацию описываемых в тексте персонажей и событий:

1. *The girl stood back and watched too... She did not want to fly. Most often it's the other way around, eager kids and cautious elders, but one gets a sense for these things when it's one's livelihood, and I knew that girl wouldn't fly with us if we waited all summer* (2, p. 34–35)
2. *But what I wanted to ask you was, won't you take me to call on Mr Toad?
Get the boat out, and we'll paddle up there at once* (3, p. 65).

Аналогичная вышеописанной система средств используется в английском языке и для передачи значения неопределенности – это неопределенные местоимения и наречия *some, any* и производные

от них местоимения и наречия (*somebody, something, somewhere, somehow, anything, anybody, anywhere*), а также наречие *once*, местоимение *another*:

1. *The Master believed that is well for any man to think upon himself as a son of God...* (2, p. 3)
2. *I wasn't afraid, I still liked the guy, but something was wrong* (Ibid, p. 30).

Способностью передавать неопределенность, неконкретность круга субъектов, адресатов и объектов речи обладают также личные местоимения *we, you, they* и неопределенно-личное *one*:

What a pity that in life we only get our lessons when they are of no use to us (5, p. 150).

When one is in town one amuses oneself. When one is in country he amuses other people (5, p. 8).

You've got to love life to have life, and you got to have life to love life... It's what they call a vicious circle (4, p. 37)

Как видно из данного языкового материала, значение неопределенности здесь сочетается с обобщением, вытекающим из жизненного опыта человека вообще, а не конкретного индивида. Эта способность местоимений передавать значение неопределенного субъекта в обобщающих предложениях еще раз подтверждает связь значения обобщения с составляющими категории «определенность/неопределенность», о чем уже шла речь выше.

В круг средств, передающих рассматриваемые значения, входят также числительные, для которых в целом характерна детерминация, конкретизация и ограничение количества или порядка следования (*five students, the fifth student*), однако числительное *one*, послужившее источником развития неопределенного артикля, также способно передавать значение неопределенности:

I saw love passing by my window early one morning on a lightsome day... (4, p. 225)

Очевидно, что здесь и в других подобных случаях речь идет не о количественной стороне предмета, лица, явления, но о неконкретности, приблизительности сведений, знаний, поскольку данный параметр может быть нерелевантен, если он не в фокусе внимания. Подобное употребление числительного *one* может иметь причиной и сознательное нежелание давать точную информацию,

как, например, в русском языке: «Один человек сказал мне, что вы дурно отзывались о моей семье».

Таким образом, анализ средств одного только морфологического уровня свидетельствует, во-первых, о широких возможностях английского языка в реализации категории «определенность/неопределенность», составляющие которой имеют зону пересечения со значением обобщенности. Во-вторых, очевидна корреляция языковых средств выражения исследуемых конstituентов парной категории: в обоих случаях это артикли, выступающие как наиболее специализированные из всех средств, местоимения и наречия, а также числительные. Отдельного исследования заслуживают средства лексического и синтаксического уровней, а полученные результаты в комплексе с данными о морфологических средствах позволят структурировать лексико-грамматическое поле категории «определенность/неопределенность». Системное изучение данной категории имеет не только теоретическое, но и практическое значение как в процессе обучения английскому языку, так и в ходе перевода, где часто встречается взаимодействие артиклевых и безартиклевых языков.

Библиографический список

1. Волкова Е.И. Английский артикль в речевых ситуациях. М.: Просвещение, 1974.
2. Гуревич В.В. Теоретическая грамматика английского языка. Сравнительная типология английского и русского языков. М.: Флинта–Наука, 2004.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1988. Т. 2
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1990.
5. Раков В.П. «Понятное/непонятное» в составе стиля // Филологические науки. 2003. № 1.
6. Шендельс Е.И. Грамматика текста и грамматика предложения // ИЯШ. 1985. № 4.
7. Урсул А.Д. Информация. Методологические аспекты. М.: Наука, 1971.

8. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник / под ред. Д.П. Горского. М.: Наука, 1975.
9. Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА, 1997.
10. The Penguin Roget's Thesaurus. Penguin Books, 1985.

Источники фактического материала

1. Юденич М. Остров летучих лис // Разница во времени: сб. рассказов. М.: АСТ, 2008.
2. Bach R. Illusions. The Adventures of a Reluctant Messiah. N.Y., 1981.
3. Grahame K. The Wind in the Willows. М.: Raduga Publishers, 1984.
4. Modern English Drama. М.: Raduga Publishers, 1984.
5. Wilde O. Plays. М.: Presto, 1996.